

Коммуникация и текст: общетеоретические вопросы

УДК 811.161.1

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-14-29

«Я + адъективный предикат» и исторические обстоятельства (к постановке проблемы)

Елена В. Маркасова

*Пекинский университет, Пекин, КНР,
markasovaelena@yandex.ru*

Аннотация. В статье описывается цикличность конструкции «Я + адъективный предикат» в русском языке XIX–XX вв. Корпусные данные позволяют увидеть периоды увеличения и сокращения количества случаев использования фреймов как средства самопрезентации. Динамика каждого варианта наполнения фрейма представляет собой сложную кривую. Анализ выявленных циклов с опорой на знания об исторических событиях соответствующего периода показывает, что потребность в автохарактеристике усиливается в периоды реформ и сокращается в периоды социальных потрясений. Обнаруженная цикличность в использовании конструкции «Я + адъективный предикат» отражает связь общественно-политических обстоятельств с поиском характеристик «Я». Наполнение фрейма имеет следствием образование новых субстантивов, которые отражают появление новых социальных групп.

Ключевые слова: местоимение «я», имя прилагательное, идентичность, самопрезентация, диахроническая психология, социальная психология

Для цитирования: Маркасова Е.В. «Я + адъективный предикат» и исторические обстоятельства (к постановке проблемы) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 14–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-14-29

“I + adjectival predicate”
and historical circumstances
(stating the issue)

Elena V. Markasova
Peking University, Beijing, China,
markasovaelena@yandex.ru

Abstract. The article describes the cyclical nature of the construction “I + adjectival predicate” in the Russian language of the 19th – 20th centuries. Corpus data allows to see periods of increase and decrease in the number of the frames use cases as a means of self-presentation. The dynamics of each frame filling option is a complex curve. An analysis of the identified cycles based on knowledge about the historical events of the corresponding period shows that the need for autocharacteristics increases during periods of reform and decreases during periods of social upheaval. The discovered cyclicity in the use of the “I + adjectival predicate” construction reflects the connection of socio-political circumstances with the search for characteristics of the “I”. The filling of the frame has the consequence of the formation of new substantives that reflect the emergence of new social groups.

Keywords: pronoun “I”, adjective, identity, self-presentation, diachronic psychology, social psychology

For citation: Markasova, E.V. (2024), “‘I + adjectival predicate’ and historical circumstances (stating the issue)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 14–29, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-14-29

Введение

Интерес к «Я», местоимению, непосредственно связанному с понятием персональной и социальной идентичности¹, объединяет лингвистику с философией и литературоведением, индивидуальной, социальной и диахронической психологией, которые также занимаются проблематикой «Я-концепции», субъектности, «двойного присутствия» [Shoemaker 1963; Billing 1985; Glover 1988; Doise 1998; Сидорова, Липгарт 2018; и др.].

¹ *Olson E.T.* Personal identity // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2019 / ed. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> (дата обращения 09.07.2020).

В русской грамматике конструкции, связанные с «я-сферой», интенсивно развиваются с середины 1820-х гг. К концу 1840-х гг. как проявление поиска человеком равенства самому себе появляются ранние тавтологические конструкции с местоимением «я» (*я есть я, я это я, я не я*) [Лю, Маркасова 2021]. Распространение адъективных предикатов при местоимении первого лица единственного числа начинается с середины 20-х гг. XIX в.: «Я» постепенно освобождается от квалификатива-существительного (*Я хороший / Я хороший хозяин, Я хороший врач* и др.) [Маркасова 2023б]. Теперь прилагательное характеризует личность вне связи с ее типом деятельности или социальной сферой. В конце первой трети XIX в. в русском языке сформировалось понятие «личность» [Виноградов 1999, с. 273]. Это был «сложный процесс, в котором объективное (пространственное и социальное) обособление индивида и рост его социальной самостоятельности сочетались с повышением психологической ценности «Я» [Кон 1984, с. 97]. Эти наблюдения коррелируют с выводами специалистов в области диахронической психологии, отмечавших изменения в самосознании личности в этот период, и опровергают мнение о возникновении таких конструкций в XXI в. [Шамсутдинова 2022]

Методология, исходные данные и терминология

Методология нашего исследования не является авторской: это распространенный в различных областях гуманитарного знания синтез элементов критического дискурс-анализа (КДА) и комбинированной стратегии (mixed methods) [Методология 2014, с. 55–59, 243–250]. Новизна нашего подхода заключается лишь в том, что эта методология применена к анализу отдельной конструкции, которую прежде таким образом не анализировали.

Наша ориентация на КДА обусловлена темой работы: мы исследуем связь между функционированием отдельной конструкции и социально-историческими процессами, т. е. шире – связь между языком и социумом. КДА «представляет собой совокупность теорий и методов эмпирического исследования, изучающих отношения между дискурсом и социально-культурными процессами в разных областях. <...> изучает не столько языковые практики как таковые, сколько лингвистические характеристики социальных и культурных процессов и структур. <...> КДА рассматривает дискурс как форму социального поведения...» [Методология 2014, с. 243–244].

Комбинированная стратегия (Mixed methods) соединяет качественный и количественный анализ: «Поскольку любой научный метод обеспечивает взгляд на исследуемую реальность с определенной точки зрения, то условием получения более или менее достоверного знания становится принцип дополнительности методов познания. <...> Поскольку все методы имеют свои ограничения, комбинирование методов может содействовать преодолению ограниченности как качественных, так и количественных методов» [Методология 2014, с. 56]. Применение комбинированной стратегии правомерно, если «одного вида данных недостаточно — например, стоит задача объяснить и обобщить полученные данные, верифицировать (проверить) данные, полученные одним методом, посредством применения другого метода» [Методология 2014, с. 56].

Из процедур, характерных для комбинированной стратегии, в нашей работе применялись последовательные процедуры (Sequential procedures). Факты, полученные в другом (не лингвистическом!) дисциплинарном поле (история, философия, диахроническая психология, социология), верифицируются на основе количественных характеристик единиц, изучением которых занимается лингвистика. Для объяснения количественных данных и установления связей между разными факторами используются результаты, достигнутые представителями других научных областей.

В этой работе мы будем опираться на материал, описанный в [Маркасова 2023а; Маркасова 2023б]. Хронологические рамки исследования – 1800–2000 гг. В результате поиска в НКРЯ по формуле: «я (SPRO, nom, sg, 1p) + _ (A,nom,sg,(m|f))» создана выборка из 4198 контекстов².

В нашей работе далее будут использоваться следующие термины.

Фрейм – конструкция «Я + адъективный предикат», характеризующая состояние Я по определенному параметру: эмоциональное состояние (*веселый*), принадлежность к группе (*беспартийный*), связь с географическим пространством (*здешний*), самооценка (*гадкий*) и др. Кратные фреймы – фреймы, содержащие одинаковые прилагательные. Например, фрейм *Я безумный* пред-

² Из первичной выборки (20 тыс.) были исключены фразеологизмы и ряд конструкций (подлежащее (Я) + предикат (прилагательное + существительное) типа *Я дворянская дочь*; подлежащее (Я) + определение (прилагательное) + предикат; (Я) + прилагательное или причастие, перешедшее в существительное; (Я) + притяжательное прилагательное», (Я) + сравнительная/превосходная степень прилагательного», (Я) + фамилия»).

ставлен 14 контекстами с прилагательными «безумный/безумная», выделенными нами из корпуса; фрейм *Я хороший* представлен 125 контекстами с прилагательными *хороший/хорошая* и т. д. Среди кратных фреймов выделяется список «топовых» (*Я живой, Я добрый, Я глупый, Я старый, Я бедный* и др.). Кроме кратных фреймов, существуют около 600 единичных фреймов, каждый из которых представлен в двухсотлетней выборке только одним прилагательным (например, *Я взверенный, Я безмундирный*).

Базовый график (График 1) – график, включающий данные обо всех случаях употребления конструкции. По оси X откладываются годы, по оси Y – количество контекстов. Были отдельно составлены два графика: первый – из 22 наиболее часто употребляемых, второй – из некрatных, встретившихся по 1 разу за все 200 лет. Базовый график получился в результате их соединения. Метка –2 на оси Y была поставлена, чтобы начало графика с малыми величинами не сливалась с осью X.

Некратные фреймы не образуют циклов по определению, однако их суммарный график имеет корреляцию 0,92 с графиком 22-х топовых кратных фреймов (по Пирсону).

Циклом считается интервал между парой смежных локальных минимумов. Поскольку в целом количество случаев употребления кратных фреймов растет, следующий локальный минимум может быть выше предыдущего.

Говорить о цикличности можно с 1850-х гг. (см. График 1). Цикличность базового графика фреймов и цикличность конкретного фрейма можно рассматривать по отдельности. Дата первого случая использования конкретного прилагательного индивидуальна. Например, кратные фреймы «я хороший» и «я плохой» возникли в разные периоды, но при этом их циклы могут совпадать в некоторые промежутки времени [Маркасова 2023б].

Количество адъективных предикатов при местоимении «Я» на протяжении последних двухсот лет росло. Известно, что в НКРЯ периоды могут быть представлены неравномерно, поэтому может возникать ощущение, что искомой единицы стало больше только по той причине, что современные тексты загружаются быстрее, чем старые. Чтобы убедиться в достоверности нашего наблюдения, мы использовали метод интервальной оценки употребления конструкции, что важно для описания цикличности, и произвели следующие вычисления.

В последний период (с 1951 по 2000 г.) в подкорпусе фиксируется 97 562 254 словоупотребления в 21 234 документах, при этом в этом подкорпусе зарегистрировано 1800 исследуемых конструкций. Назовем интенсивностью употребления конструкции *I* отно-

шение объема корпуса N к количеству найденных конструкций n : $I = N / n$. В нашем случае $I = 97\,562\,254 / 1800 = 54\,201,25$. Значит, в среднем одна конструкция приходится на 54 201,25 слова, или же (при условии ее равномерного распределения в корпусе) интервал между употреблениями в среднем должен быть 54 201,25 слова. Увеличение значения данного коэффициента указывает на снижение употребительности конструкции, а уменьшение – наоборот, на повышение употребительности. Сравним эти данные с аналогичными данными первого из исследуемых периодов. В промежутке времени с 1800 по 1825 г. 1 пример приходится на 600 301 слово. Таким образом, рост интенсивности употребления конструкции очевиден.

Цель работы – описать цикличность, обнаруженную в истории существования конструкции «Я + адъективный предикат».

Гипотеза. Изменения в использовании фреймов связаны с историческими событиями, затрагивающими (а иногда разрушающими) повседневность социума, внутренний мир человека. В наши задачи не входит исследование связи цикличности фрейма с циклами в экономике, как и вопрос о происхождении каждого случая (исконного или заимствованного).

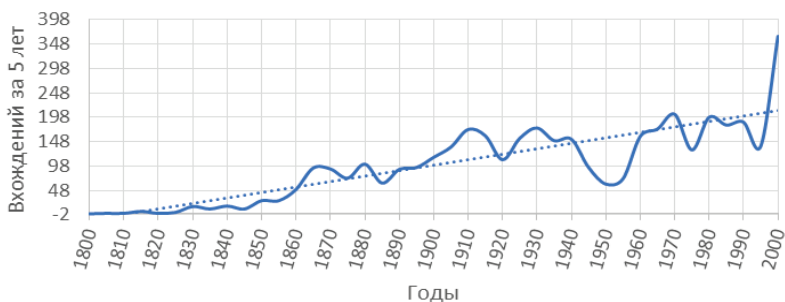

График 1. Базовый график

Общая характеристика циклов

До середины XIX в. говорить о цикличности вряд ли целесообразно. Рост использования конструкции намечается после 1825 г., но она малочисленна: с 1826 по 1850 г. обнаружено около 90 примеров, тогда как в 1851–1900 гг. – около 800. Базовый график показывает, что в истории конструкции можно различить границу между дореволюционным и послереволюционным периодом. Для обоих периодов

характерны количественное увеличение фреймов и рост разнообразия адъективов, но для дореволюционного периода (в отличие от послереволюционного) не характерны частые и резкие спады и подъемы.

Складыванию цикличности предшествовали события, изменившие внутреннюю политику Российской империи: восстание декабристов (1825), восшествие на престол Николая I, при котором Россия участвует в русско-персидской (1826–1828) и в русско-турецкой (1828–1829) войнах, затем в подавлении Польского восстания (1830), в подавлении революции в Венгрии (1849), в Крымской войне (1853–1856).

Увеличение начинается с середины XIX в., поэтому далее мы сосредоточим внимание на характеристиках циклов, ведущих отсчет с 1855 г., т. е. с воцарения Александра II (1855–1881). График показывает, что фазы подъема приходятся на 1855–1865, 1875–1880, 1885–1914, 1921–1929, 1935–1940, 1950–1969, 1975–1980 гг.

1-й цикл	1855–(1865)–1875:	20 лет
2-й цикл	1875–(1880)–1885:	10 лет
3-й цикл	1885–(1914)–1921:	36 лет
4-й цикл	1921–(1929)–1935:	15 лет
5-й цикл	1935–(1940)–1953:	18 лет
6-й цикл	1953–(1969)–1975:	22 года
7-й цикл	1975–(1980)–1985:	10 лет
8-й цикл	1985–(1990)–1995:	10 лет
9-й цикл	1995(?) –	

В послереволюционный период новый подъем наблюдается с 1921 по 1929 г. (подъему предшествуют Первая мировая война, революция, Гражданская война, смена власти и государственного строя). Подъему с 1935 по 1940 г. предшествуют коллективизация, голод, начало индустриализации, обострение борьбы с партийной оппозицией. С 1950 по 1969 г. (подъему предшествуют Хасан и Халхин-Гол, Финская и Вторая мировая войны и сопутствующие им события, интенсивное восстановление экономики, репрессии и т. д.). Можно предположить, что подъемы происходят после социальных потрясений. Под термином «социальное потрясение» мы понимаем изменение в жизни общества, которое разрушает существовавшие социальные структуры, межличностные связи и отношения, нарушает иерархические связи между властью и гражданином, а также внутри сложившихся групп и сообществ, приводит к глобальным изменениям в организации пространства (внешнего – на уровне территориальных границ) и внутреннего

(на уровне включения цензуры и самоцензуры по отношению к допустимости поведения в прежде привычных формах).

Описание последнего цикла не завершено, но известно начало последнего подъема (1995). Начало и конец цикла не может точно совпадать с приходом к власти определенного лица или со сменой властных структур. Так, период правления Александра II включает в себя два цикла и, соответственно, два подъема. Правление Александра III – один цикл, Николая II – один цикл, а советский период состоит из четырех циклов.

Исторический контекст (на примере двух циклов)

Опираясь на график, мы можем говорить о том, что первому подъему (с 1855 по 1865 г.) предшествует Крымская война. Александр II (Освободитель, Реформатор) – фигура дискуссионная, вызывающая разные оценки [Александр II 2012]. Однако невозможно отрицать, что при нем происходили изменения, приведшие к росту социальной мобильности, причем как в географическом смысле (смена места жительства), так и в социальном (изменение принадлежности к классам или стратам, профессиональным группам). С 1857 г. в России начинается «оттепель». В 1861 г. крестьяне освобождаются от крепостной зависимости. Открываются крупные заводы (например, Невский судостроительный и Обуховский [1862]), нуждающиеся в рабочей силе. Интенсивно развивается строительство железных дорог. Империя расширяется за счет завоеваний в Средней Азии и на Северном Кавказе, присоединения Приамурья и Приморья и других территорий. Принято положение о заселении ряда новых территорий переселенцами из России. С 1863 г. отменяются телесные наказания. Судебная реформа 1864 г. упраздняет сословный суд, сглаживаются сословные различия и меняется сословный состав лиц, задействованных в системе судейства [Уортман 2004]. В результате реформы образовательные учреждения разделены на классические гимназии (с правом поступления в университет) и реальные училища. Благодаря военной реформе сокращается срок службы. Внутренняя политика дает импульс к созданию новых социальных групп, ломает старые представления о возможностях человека, приводит к разрыву с привычным пространством и окружением.

Все это проявляется в изменении фреймов: таким образом, можно объяснить и автохарактеристики по географической привязке и большое количество характеристик по уровню бедности, необразованности, слабого здоровья и прочим параметрам, активно

дискутируемым в демократической прессе в рамках обсуждения страданий русского народа.

Изменение внутренней политики в сторону ужесточения контроля начинается в 1866 г. (после подавления Польского восстания 1863–1864 гг. и покушения Д. Каракозова).

Именно при Александре II в разных социальных слоях ширится общественное недовольство (чего не было при Николае I): происходят крестьянские бунты, среди интеллигенции и рабочих возникают антиправительственные группы и кружки, в том числе организация «Земля и Воля». Формируются различные концепции борьбы с властью (пропагандистская и террористическая) [Литвак 1967; Зайончковский 1968; Миронов 2019].

Первый подъем совпадает с периодом правления Александра II (до покушения на него Д. Каракозова). Второй подъем продолжается с 1875 до 1880 г. на фоне борьбы государства с народниками и русско-турецкой войны (1877–1878). В 1873–1874 гг. начинается «хождение в народ», с 1875 г. ведется следствие по делу «хождениев», которое завершается «Процессом 193-х» (1877–1878).

После 1880 г., с началом царствования Александра III (1881–1894), волна употребления конструкции «Я + адъективный предикат» идет на спад до 1885 г. Следующий цикл начинается с 1885 г. и охватывает часть правления Александра III (1881–1894) и Николая II (1894–1917). Изменение (ужесточение) внутренней политики при Александре III и впоследствии при Николае II сопровождается формированием новых социальных групп. Спад начинается в 1914 г. и продолжается весь период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны.

Состав адъективов (на примере двух циклов)

Всего первый (двадцатилетний) цикл дает около 300 конструкций, второй (десятилетний) – около 200. Однако в сумме это не 500 разных прилагательных, а всего около 230 лексем. У этого периода три основные особенности.

Во-первых, рост прилагательных с приставками «без/бес», *бездушный, безногий, безобразная, безумная (7) беспаспортный, беспокойная, бесчестная (2), беспамятная, бесприходный, беспутный, бессовестный, бесстыжая, бесталанная, бестолковая, бесхарактерный*. (От предшествующего периода сохранилось прилагательное *безумный*.)

Во-вторых, большое количество прилагательных, означающих отрицательные качества и характеризующих неудовлетворенность

собой. Приведем неполный список, не включив в него перечисленные выше прилагательные: *бедный/ая* (14), *бледная* (3), *божеви́льная* (2), *больной* (3), *недобрая*, *ветреная/ый* (2), *виноватая/ый* (4), *вялая*, *гадкая/ий* (4), *глупая/ый* (21), *глупенькая* (5), *голый*, *грешная/ый* (5), *грустная* (2), *грязный*, *ревнивая*, *злая* (2), *дикая/ий* (2), *дурная/ой* (10), *жадная*, *жалкая*, *жалостливая*, *злая* (13), *злой* (15), *злостный*, *злосчастная*, *злющая-презлющая*, *испорченная*, *капризная* (1), *ленивая*, *лишний/яя* (17), *лукавый*, *мерзкая* (2), *мертвая* (5), *опростелый*, *нахмуренный*, *неблагодарная/ый* (4), *невнимательная*, *негодная*, *неграмотный* (3), *недолговечный*, *недостойный*, *неимущая*, *нелюбимый*, *непорядочная*, *неразвитая*, *необразованная*, *неподходящий*, *нервная*, *несмелый*, *неспособная*, *несчастливая/ый* (36), *нэщастный*, *разнесчастливая*, *неученая* (2), *нехорошая*, *низкая*, *ничтожная/ый* (2), *нищая/ий* (23), *одинокая*, *окаянная* (5), *отпетая*, *отсталая*, *отчаянный*, *погибшая*, *поганая*, *последний* (3), *посторонний*, *праздная*, *презлая*, *прескверная*, *престранная*, *продажная*, *простая/ой* (3), *простоголовая*, *пустая*, *пьяная/ый* (8), *развратная*, *разнесчастливая*, *рассеянный*, *растрепанная*, *редкостный*, *растрепанная* (2), *разнесчастливая*, *ручной* (2), *сварливая*, *злая*, *неугодливая*, *своевольная*, *сердитый*, *скверная* (4) *слабая/ый* (4), *слабенький*, *слабоногий*, *слепая/ой* (4), *смешная/ой* (7), *смирный* (6), *смирненький*, *средняя*, *старый* (3), *старенький*, *странная*, *тощая*, *тяжелая*, *убогий*, *удобный*, *хворый*, *хитрый* (2), *хмельной*, *худенький*, *тоненький*, *хиленький*, *черноватый*, *чижолая*, *чувствительный*, *чужая/ой* (9) и др.

Характеристик, содержащих положительную оценку, меньше по количеству (110 конструкций, т. е. примерно одна треть): *благородный/ая* (5), *благочинный*, *блаженный* (3), *богатая* (2), *бойкая*, *большая/ой* (4), *веселая* (4), *главная*, *горячая* (2), *грамотный* (5) *гуманная*, *добрая/ый* (18), *живая/ой* (4), *знатная* (2), *красивая*, *крепкая*, *бодрая*, *молодая/ой* (6), *молоденькая* (2), *мудрая/ый* (2), *мягкая*, *набожный*, *славная*, *смирный*, *сочная*, *настоящая/ий* (3), *неистовая*, *необыкновенная*, *нетленная*, *особая*, *почтенный*, *правый*, *равная/ый* (2), *развитой*, *святая*, *сильная*, *смелая*, *смирный* (6), *смирненький*, *спокойная*, *счастливая/ый* (4), *умный* (4), *хорошая/ий* (2), *хорошенькая*, *храбрый*, *честная/ый* (4), *чистая*.

В-третьих, распространяются относительные прилагательные, которые характеризуют лицо по географической или социальной принадлежности: *бесприходный*, *вдовый*, *воробьевский*, *дальная/ий* (2), *заезжий*, *здешний/яя* (5), *петербургский*, *горемыкинская*, *куракинский*, *княжеская*, *московский*, *независимый*, *нездешний* (3), *первостатейный*, *посторонний*, *почетный*, *самовольная*, *сбеглый*,

сиятельная, смоленский, совершеннолетний/я (3), фабричный, царский (3), церковный, чернолесский.

Намечается тенденция более широкого использования диминутивов как средства провоцирования сочувствия: *худенький, тоненький, хиленький.*

Адъективы амбивалентного типа (их можно интерпретировать и как положительные, и как отрицательные) немногочисленны и заслуживают отдельного исследования (например: *естественная, застенчивая, странная, чувствительный, яростная, средняя* и др.).

Можно предположить, что основные тенденции в развитии фреймов формируются как следствие определенного внутриполитического и внешнеполитического курса. По крайней мере, автохарактеристики через указание географической привязки или социальной принадлежности весьма актуальны в условиях социальной мобильности и замены старых социальных связей новыми. Что касается абсолютного преобладания отрицательных автохарактеристик в речи героев, тут тоже нет ничего удивительного: это не только дань литературной моде употребления конструкции, но и отражение доминирующей в литературе тематики народных страданий. Отметим, что восприятие современным читателем характеристики «Я + адъектив» как отрицательной или положительной на основе словарного значения может быть заблуждением. Очень часто оценочные прилагательные (типа «плохой», «скверный») используются в манипулятивных целях, и за ними скрывается положительная оценка говорящим своего «Я» [Маркасова 2023а, с. 104–105]. «Самоидентификация (что такое «я» для себя) оборачивается своей второй стороной – самопрезентацией (что такое «я» для других)»³.

Адъективы и социальная психология

Реформы, как правило, создают ощущение нестабильности среди социальных групп, чувствовавших себя относительно стабильными при прежней власти. Новые группы, организуемые как сверху, так и снизу, возникают вследствие потребности человека устоять в меняющемся мире с помощью обретения опоры в виде новой социальной группы или микрогруппы. Утрата прежних социальных связей на уровне мезогрупп (неперспективные деревни, нерентабельные предприятия) или мини-групп (разрушение

³ *Норман Б.Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): Курс лекций. Мн.: Изд-во БГУ, 2017. С. 29.

семей и родственных связей во время войн и революций) интенсифицирует поиск новой идентичности и болезненное желание сохранить прежнюю персональную идентичность. Усиление интереса к собственной идентичности психологи связывают с «потребностью в позитивном самоуважении» [Иванова 2004].

Изменения в моделях самопрезентации обусловлены изменениями в психологии индивида и социума (на уровне макрогрупп, мезогрупп и микрогрупп) и не могут быть привязаны к точной дате. Дело не только в том, что психологические изменения не происходят одновременно. Анализируя данные XIX–XX вв., мы можем опираться только на письменные источники, а новая самоидентификация и способы самопрезентации должны найти отражение в текстах, которые проходят издательский цикл.

Заключение

Обнаруженная нами цикличность в употреблении конструкции нуждается в дальнейшем изучении. Колебания количества и изменение состава адъективов во фреймах обнаруживают связь с переменами курса внутренней и внешней политики. С уходом каждого очередного «кабинета» следует ожидать начала очередного цикла. Мы предполагаем, что формирование спадов и подъемов в каждом цикле связано с обновлением восприятия человеком своего места в обществе [Хесле 1994; Павленко, Корж 1998]. В употреблении описанной конструкции отражаются кризисы идентичности, возникающие после определенных событий или перед ними, а также изменения в структурах социальных групп.

В обновлении лексического состава предикатов нет ничего неожиданного: лексика всегда быстро реагирует на общественные перемены. Но мы можем говорить о возникновении нового грамматического способа самопрезентации, реагирующего на общественные настроения и отражающего новое мироощущение. На основе наших данных можно увидеть, как расходятся пути прилагательных в истории самопрезентации: одна часть остается прилагательными, другая часть переходит в существительные. Процесс субстантивации переживают те прилагательные, которые закрепляются в статусе наименования новых социальных групп (например, *рабочий*, *беспризорный*) или как востребованные новой реальностью псевдонимы (имена собственные типа *Одинокий*, *Беспощадный*, *Бездомный*). Эта тема требует отдельного освещения.

Благодарности

Я благодарю независимого исследователя В.И. Бескровных за статистическую обработку данных и О.А. Митрофанову (СПбГУ) за ценные советы в области интерпретации корпусных данных.

Acknowledgments

I thank independent researcher V.I. Beskrovnykh for statistical processing of data and O.A. Mitrofanova (St. Petersburg State University) for valuable advice in interpreting corpus data.

Литература

- Александр II 2012 – Александр II: Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей / отв. ред. В.В. Лапин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 282 с.
- Виноградов 1999 – *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999. 1142 с.
- Методология 2014 – Методология и методы социологического исследования / под ред. В.И. Дудиной, Е.Э. Смирновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 388 с.
- Зайончковский 1968 – *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. 368 с.
- Иванова 2004 – *Иванова Н.Л.* Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Психологический журнал. 2004. № 1 (25). С. 52–60.
- Кон 1984 – *Кон И.С.* В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Литвак 1967 – *Литвак Б.Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. 127 с.
- Лю, Маркасова 2021 – *Лю Г., Маркасова Е.В.* Я есть я (идентичность и коммуникация) // Коммуникативные исследования. 2021. № 4 (8). С. 701–716.
- Миронов 2019 – *Миронов Б.Н.* Крестьянское движение в России накануне эмансипации как момент истины // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 817–842.
- Маркасова 2023а – *Маркасова Е.В.* «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении «я» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 103–117.
- Маркасова 2023б – *Маркасова Е.В.* Адъективный предикат «плохой/хороший» при местоимении «я» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9. № 4 (36). С. 23–35.

- Павленко, Корж 1998 – Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. № 1 (19). С. 75–89.
- Сидорова, Лингарт 2018 – Сидорова М.Ю., Лингарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки. Ч. 1 // Филология и человек. 2018. № 3. С. 21–38.
- Уортман 2004 – Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / авторизов. перевод с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: НЛО, 2004. 515 с. (Historia Rossica)
- Хесле 1994 – Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
- Шамсутдинова 2022 – Шамсутдинова Р.Р. Субстантивация местоимений: отражение меняющихся ценностных установок в современной речи // Общая и русская лингвоаксиология / отв. ред. М.С. Милованова; ИЯз РАН; Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. С. 195–205.
- Billing 1985 – Billing M. Social representation, objectification and anchoring. A theoretical analysis // Social behavior. 1985. № 3. P. 1–16.
- Doise 1998 – Doise W. Social representations in personal identity // Social identity (international perspectives). L.; New Delhi, 1998. P. 13–24.
- Glover 1988 – Glover J. I: The philosophy and psychology of personal identity. L.: Penguin, 1988. 212 p.
- Shoemaker 1963 – Shoemaker S. Self-knowledge and self-identity. Ithaca: Cornell University Press, 1963. 276 p.

References

- Billing, M. (1985), “Social representation, objectification and anchoring. A theoretical analysis”, *Social behavior*, no. 3, pp. 1–16.
- Doise, W. (1998), “Social representations in personal identity”, in *Social identity (international perspectives)*, London, UK, New Delhi, India, pp. 13–24.
- Dudina, V.I. and Smirnova, E.E., eds. (2014), *Metodologiya i metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of sociological research], Izdatel'stvo SPBGU, Saint Petersburg, Russia.
- Glover, J. (1988), *I: The philosophy and psychology of personal identity*, Penguin, London, UK.
- Ivanova, N.L. (2004), “Social identity in various socio-cultural conditions”, *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 25, no. 1, pp. 52–60.
- Khesle, V. (1994), “Individual and collective identity crisis”, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 112–123.
- Kon, I.S. (1984), *V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie* [In search of oneself. Personality and its self-awareness], Politizdat, Moscow, USSR.

- Lapin V.V., ed. (2012), *Aleksandr II: Tragediya reformatora: lyudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh lyudei: sbornik statei* [Alexander II. The tragedy of a reformer. People in the fates of reforms, reforms in the fates of people. Collected articles], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.
- Litvak, B.G. (1967), *Opyt statisticheskogo izucheniya krest'yanskogo dvizheniya v Rossii XIX v.* [Experience of a statistical study of the peasant movement in Russia in the 19th century], Moscow, USSR.
- Liu, G. and Markasova, E.V. (2021), "I am I (identity and communication)", *Kommunikativnye issledovaniya*, vol. 8, no. 4, pp. 701–716.
- Markasova, E.V. (2023), " 'I am unhappy, but alive'. An adjectival predicate with the pronoun 'I' ", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 82, pp. 103–117.
- Markasova, E.V. (2023), "The adjectival predicate 'bad/good' with the pronoun 'I' ", *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, vol. 9, no. 4 (36), pp. 23–35.
- Mironov, B.N. (2019), "The peasant movement in Russia on the eve of emancipation as a moment of truth", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, vol. 64, iss. 3, pp. 817–842.
- Norman, B.Yu. (2017), *Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov): Kurs leksii* [Linguistic pragmatics (based on Russian and other Slavic languages): Course of lectures]. Izdatel'stvo BGU, Minsk, Belorussia.
- Pavlenko, V.N. and Korzh, N.N. (1998), "Transformation of social identity in a post-totalitarian society", *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 19, no. 1, pp. 75–89.
- Shamsutdinova, R.R. (2022), "Substantivization of pronouns. Reflection of changing value attitudes in modern speech", in Milovanova-Ilyaz, M.S., ed., *Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya* [General and Russian linguaxiology], Kantsler, Moscow, Yaroslavl, Russia, pp. 195–205.
- Shoemaker, S. (1963), *Self-knowledge and self-identity*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Sidorova, M.Yu. and Lipgart, A.A. (2018), "The grammar of modern Russian poetry. Subjective perspective, predicative categories, modal frames. Part 1", *Filologiya i chelovek*, no. 3, pp. 21–38.
- Uortman, R. (2004). *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [Rulers and judges. The development of legal consciousness in imperial Russia], NLO, Moscow, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1999), *Istoriya slov* [History of words], Moscow, Russia.
- Zaionchkovskii, P.A. (1968), *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of serfdom in Russia], Moscow, USSR.

Информация об авторе

Елена В. Маркасова, доктор филологических наук, Пекинский университет, Пекин, Китай; 100871, Китай, Пекин, р-н Хайдянь, Ихэюань, д. 5; markasovaelena@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Markasova, Dr. of Sci. (Philology), Peking University, Beijing, China; 5, Yiheyuan Road, Haidian District, Beijing, P.R. China, 100871; markasovaelena@yandex.ru